

Свет фар вырвал из темноты две мужские фигуры. Прячась от проливного дождя под одной на двоих курткой, которую они держали над головой наподобие зонта, парни попятились от проезжей части, стараясь уберечься от брызг из-под колес моей машины, хотя и так успели вымокнуть до нитки. Один отчаянно замахал рукой, призывая меня к состраданию, а я было проехала мимо, но почти сразу сбросила скорость. Довольно глупо брать попутчиков в два часа ночи, в проливной дождь, когда хороший хозяин собаку из дома не выгонит, тем более что парней двое, а я девушка молодая, привлекательная (пока не познакомитесь со мной поближе), на дорогой машине, способной ввести в соблазн неокрепшие души. Но парни выглядели такими несчастными, а я не из робкого десятка.

Возможно, была и еще одна причина: в моей жизни последнее время ничего не случалось. Ни хорошего, ни даже плохого. Оказывается, это действует угнетающе.

Я сдала назад, такса по имени Сашка, развалившийся на соседнем сиденье и до той поры дремавший, поднял голову и с удивлением оглянулся.

— Давай поможем людям, — предложила я, точно

оправдываясь. Сашка вздохнул и настороженно замер, ожидая, что последует за этим.

Я посигналила, привлекая внимание парней, которые, решив, что им со мной не повезло, поспешно укрылись под деревом, но, увидев, что машина остановилась, бросились к ней со всех ног.

— Спасибо, — пробормотал тот, что первым влез в спасительное тепло, торопливо устраиваясь на заднем сиденье, второй сунул мокрую куртку под ноги и хлопнул дверь.

Парням было лет по двадцать, может, чуть больше, один шатен с бородкой клинышком, смысленным лицом и посиневшими от холода губами. Второй казался постарше, русые волосы липли ко лбу, который украшала нешуточная ссадина, бровь у него тоже была рассечена, но рана уже успела затянуться и превратилась в тонкий белый рубец. Губы похожи на лепешку, распухли, хоть и не кровоточили, пару зубов он наверняка утратил. Судя по всему, не так давно парень побывал в потасовке. Сашке он не понравился, пес глухо зарычал, а я спросила:

— Куда?

— На Владимирский проспект, — ответил тот, что с бородкой, — а потом, если можно, на Рабочую. Мы заплатим, — поспешно заверил он и полез в карман.

— Не надо, — отмахнулась я, трогаясь с места.

Парни сидели тихо, не произнеся больше ни слова. Тот, что с разбитым лицом, зябко ежился, несколько раз с тревогой он оглянулся в заднее стекло. Может, кого ограбили или это просто естественное желание оказаться подальше от того места, где тебе надавали по физиономии. Монотонно работали «дворники», я сделала звук приемника погромче, Сашка продолжал глухо рычать. На светофоре я свернула на

Владимирский проспект, и вскоре парень с бородкой попросил:

— Вот здесь остановите, пожалуйста. — Я остановилась возле гастронома. — Пока, — сказал он приятелю, пожал ему руку и бегом бросился в арку, что была метрах в тридцати отсюда. Взгляды, которыми обменялись парни на прощание, были испуганными, что-то их тревожило.

«Это не мое дело», — напомнила я себе, разворачиваясь, чтобы попасть на Рабочую, на светофоре надо было свернуть направо.

— Хорошая тачка, — подал голос парень.

— Хорошая, — согласилась я.

— Наверное, очень дорогая.

— Наверное, — не стала я спорить.

— Не боитесь одна ездить? — вновь спросил он.

Я обернулась и ответила с усмешкой:

— Тебя не боюсь. А ты сам себя считаешь страшным?

Он засмеялся, по-мальчишески заразительно.

— Я вас узнал. Еще по тачке надо было догадаться, ваш «Феррари» один такой во всем городе.

То, что гражданам знакома моя физиономия, ничуть меня не удивило. Не так давно я часто мелькала на страницах местных газет и в теленовостях, разумеется, тоже местных, поскольку являлась замом Деда по связям с общественностью (так по крайней мере это звучало), а Дед здесь царь и бог в одном лице. Мы довольно долго терпели друг друга, потом не сошлись во мнениях по ряду вопросов (мы и раньше не сходились, но мне было на это наплевать, пока однажды я не решила, что он перегнул палку). В общем, я покинула дом с колоннами и неизбежной ковровой дорожкой на лестницах и теперь обреталась на вольных хле-

бах, то есть, говоря попросту, бездельничала, тем более что денег, благодаря тому же Деду, у меня пруд пруди, и я могла не думать о хлебе насущном.

— Вашу собаку Сашкой зовут? — продолжил парень, поглядывая на моего четвероногого друга.

— Откуда ты знаешь? — удивилась я чужой прозорливости.

— Это все знают, — хмыкнул он, подтверждая мои подозрения, что в народе обо мне ходят легенды. Я пожала плечами и решила сказать ему в ответ тоже что-нибудь малоприятное.

— Где тебя так отделали?

— Разве это отделали? — хмыкнул он. — Видели бы вы их... Какие-то придурки пристали возле пивнушки.

— Твоему приятелю досталось меньше.

— Он — каратист, — заявил парень с таким видом, точно сообщал, что тот сам господь бог.

Я свернула на Рабочую и слегка притормозила возле новых, недавно заселенных домов, но парень молчал, и я поехала дальше. Улица неожиданно обрывалась, впереди, прямо под холмом блеснула река, слева темнело двухэтажное сооружение, назвать которое домом язык не поворачивался, кажется, бывшая казарма бывшей фабрики «Красный шляпник» (и такое было в родном городе). Я-то думала, что старых построек здесь совсем не осталось, все вытеснили многоэтажки, которые росли как грибы после дождя, но казарма, вне всякого сомнения, была обитаема, над крыльцом горела лампочка, в ее свете видны были занавески на ближайшем окне.

— Ты здесь живешь? — спросила я. Парень растянул разбитые губы в широчайшей улыбке.

— Нет, у меня скромнее... Денег правда не надо?

— Обойдусь, — отмахнулась я.

Парень подхватил куртку и бегом припустился в сторону казармы, однако обогнул крыльцо и скрылся в темноте за этим богом и властями забытом сооружением. Я поехала домой, не особенно спеша. Дома нас никто не ждет, спать не хочется, так что можно еще немного поболтаться по улицам города.

Я люблю свой город ночью, особенно в дождь. Фонари, отражение огней в лужах на асфальте... Сашка робко тявкнул, и во мне проснулась совесть.

— Ладно, псина, поехали спать.

Меня ждал сюрприз: подъезжая к дому, я увидела, что в гостиной горит свет.

— У нас гости, — сообщила я Сашке, теряясь в догадках: кого принесло в такую пору? Ключи от моего жилья есть у Деда и у Ритки, еще парочке моих знакомых ключи вовсе ни к чему. Кто бы это ни был, сейчас я отнюдь не расположена его видеть. Но моим желанием, как всегда, не заинтересовались.

Я въехала в гараж, который был тут же, в подвале, распахнула дверцу машины, Сашка вперевалку побрел в холл, пользуясь тем, что дверь в холл я оставила открытой. Выключив свет, я последовала за ним.

Холл был погружен в полумрак, узкая полоска света пробивалась из гостиной. В кресле возле камина сидел Дед и читал книгу. Услышав нас, он снял очки, которыми с некоторых пор вынужден был пользоваться, и бросил книгу на журнальный столик. Я с радостью убедилась, что это Трудовой кодекс. Не знаю, что бы я пережила, обнаружив Деда с романом в руках. Мое убеждение, что мир незыблем, наверняка бы пошатнулось, а я по натуре консервативна и не люблю перемен. К счастью, Дед их тоже не жалует.

— Как дела? — спросил он, приглядываясь ко мне.

— Нормально, — ответила я, подошла и поцеловала его, как любящая дочь, раз уж ему пришла охота последнее время быть мне отцом родным.

Отношения у нас непростые, я бы даже классифицировала их как чертовски запутанные. Дед — вдовец, еще несколько месяцев назад у него было столько любовниц, что он их всех по именам не помнил, хотя на память не жаловался. Я сбивалась где-то на втором десятке, втайне гордясь, что Дед у нас такой молодчина, несмотря на возраст. Но он вдруг кинулся в иную крайность: все его подруги внезапно испарились, хозяйством ведала почтенная дама, которая была старше Деда на пару лет, а он по вечерам зачастил ко мне. Но никаких попыток возобновить наши отношения не предпринимал, я имею в виду любовные отношения. Было время, когда я не мыслила своей жизни без него, а теперь только досадливо кривилась, в основном потому, что ни минуты не верила, что он способен видеть во мне дочь своего друга, которая и ему почти что дочь, даже не почти что, раз у него своих детей нет. Я не без основания подозревала его в том, что он в очередной раз пудрит мне мозги.

Дед уже несколько раз затевал разговор, что жить нам следует вместе, под одним кровом, так сказать. Пассаж о том, что он будет с радостью держать на коленях моих детей от чужого «дяди», довел меня до слез умиления. Правда, я несколько не сомневалась: стоит «дяде» появиться — и моему «папуле» это вряд ли понравится. Когда я начинала размышлять обо всем этом, становилось так тошно, хоть волком вой, так что в конце концов я решила не забивать себе голову.

Дед взял меня за руку, притянул к себе и сказал:

— Хорошо выглядишь.

— Спасибо.

— Я привез пирожных, какие ты любишь. Выпьешь чаю или ты где-то поужинала?

«Нет бы прямо спросил: где меня черти носят?»

— Чаю выпью с удовольствием, — заверила я его и побрела на кухню. Через минуту там появился Дед. Я взглянула на часы, вряд ли в такое время он поедет домой, машину отпустил, выходит, у меня останется. Останется и останется, утром сварю ему кофе. — Ты почему не позвонил? — все-таки спросила я. Дед в конторе появляется ровно в девять, так что не мешало бы ему хорошо выспаться.

— Не хотел нарушать твои планы, — пожал он плечами, отводя взгляд.

— Да не было у меня никаких планов, — отмахнулась я, по неведомой причине начиная чувствовать себя виноватой. Можно было бы этим и ограничиться, но Дед настороженно косился, точно не веря, и я продолжила: — Возила Ритку на дачу. Ее благоверный опять запил, впрочем, это тебе должно быть известно. — Он никак не отреагировал. Ритка была его секретаршей, которую он заслуженно высоко ценил, а ее супруг числился кем-то в администрации. Вряд ли Дед знал кем. Благоверный боялся Деда пуще смерти и показаться на глаза не смел. — Вернулись поздно, поужинали в ресторане, я отвезла ее домой и немного покаталась по городу. — Все так и было, с Риткой мы засиделись в ресторане, ей требовалось выговориться, а я никуда не спешила. Тут я непроизвольно поморщилась, выходило, что я вроде бы оправдываюсь. С какой стати, скажите на милость, раз налицо обоюдные родственные чувства?

Дед покивал с умным видом, и мы стали пить чай. Я все-таки здорово на него злилась, в основном пото-

му, что продолжала чувствовать себя виноватой. Как бы между прочим я взглянула на часы.

— Время позднее, — тут же отреагировал Дед, — вызову такси...

— Брось, оставайся у меня, — предложила я не без досады. Он кивнул, точно этого и ждал. Не успеешь оглянуться, как он и в самом деле здесь поселится. Я отодвинула чашку и поднялась. — Постелю тебе на втором этаже. — Он опять кивнул, уходя от моего взгляда. Я поднялась на второй этаж, где у меня две спальни, моя и гостевая, прихватив с собой Сашку. Застелив постель Деду, ушла к себе. Я слышала, как он включил воду в ванной, потом прошел в комнату напротив.

— Спокойной ночи, — сказал мой старший друг. Я сделала вид, что не слышу, завела будильник и легла, уставясь в потолок и размышляя, чему следует приписать такое поведение Деда. Догадки мои ломаного гроша не стоили, скорее всего, человеку просто неуютно в своей огромной квартире, вот он и явился в мою огромную квартиру, раз уж мы с ним близкие люди (то, что когда-то он заменял мне отца, последние несколько месяцев он вспоминает слишком часто). Я размышляла об этом, пока наконец не уснула. Глаза открыла раньше, чем прозвенел будильник, и пошла готовить завтрак.

Сашка устроился перед телевизором, а я сняла с плиты кофе, когда в кухне появился Дед. Он запечатлел на моем лбу очередной отеческий поцелуй и сказал комплимент. На этот раз я поверила. Безделье, конечно, действовало мне на нервы, но благотворно сказывалось на моей внешности. Месяц назад я бросила курить, это было единственным событием за последнее время, заслуживающим упоминания. Курить, кстати,

я бросила не из-за любви к здоровому образу жизни, просто хотела, чтобы хоть что-то произошло. Так и вышло у меня: улучшился цвет лица, по крайней мере мой косметолог на этом настаивает.

— Спасибо, — вяло отозвалась я на его добрые слова.

— На работу не устроилась? — спросил Дед. Вопрос риторический, если бы устроилась, он наверняка узнал бы об этом первым, не от меня, а от добрых людей, которых вокруг него пруд пруди, так что можно было и не отвечать, но я ответила, опять-таки прикидывая: просто так он спросил или у него есть определенная цель?

— Нет.

— А собираешься?

— В основном теоретически. Благодаря твоей доброте у меня столько денег, что мне жизни не хватит, чтобы потратить их. — Вот уж правда так правда. — Это как-то не способствует трудовому порыву.

— Не хочешь завести ребенка? — огорошил меня Дед. У него что с утра, с головой проблемы?

— От кого? — спросила я, сложив руки на груди и испепеляя его взглядом. Оказалось, совершенно напрасно, он не собирался выяснять, с кем и как я провожу свое время, просто пожал плечами и изрек:

— Ну... в некоторых случаях это не так уж и важно. Ты как раз в том возрасте, когда...

— Я помню о своем возрасте, — не очень вежливо перебила его я. — Охота тебе болтать глупости.

Я думала, он обидится и я смогу выпить кофе в молчании, но в него с утра точно бес вселился.

— Это не глупости, — отрезал он, посуровев. Дед это умел, сразу хотелось вытянуться во фронт и заодно покаяться в грехах, а если грехов нет, то их лучше

придумать. — Кому и что ты пытаешься доказать? — Твердости в его голосе лишь прибавилось, а я присвистнула: кажется, Дед затеял разговор по душам. В нашем случае вещь совершенно бесперспективная.

— Игорь, кончай с этой бодягой, — предупредила я. Он недовольно нахмурился и огорошил меня вторично:

— Возвращайся ко мне. — Ко мне в данном случае — это в дом с колоннами и красными ковравыми дорожками, в просторечии именуемый «контора».

— Ага, — хмыкнула я. — Думаешь, как только я вернусь, так сразу появится кандидатура возможного папаши моего будущего ребенка?

— Не делай вид, что тебя удивляет мое предложение, — разозлился он. — Чем болтаться без дела... Я очень в тебе нуждаюсь. И я уверен, что ты скучаешь по работе...

Может, и вправду скучаю? По сплетням, интригам, по лживым политикам, по прихлебателям всех сортов и мастей, что толкуются возле Деда, по ночным телефонным звонкам, склокам, сварам, оговорам, по очередной кампании против потенциальных конкурентов, по мыслям о будущих выборах, противниках, компромате и желании заткнуть недругам рты? Только Дед мог измыслить такое. Он без всего этого точно жить не может, политик до мозга костей, хотя еще один мой старший друг утверждает: Дед ничем не хуже других народных избранников, а в чем-то даже лучше. Деда хоть можно уважать за ум и твердость характера. Правда, иногда эта твердость такого сорта, что...

— Чего ты молчишь? — спросил он, тем самым прервав мои интересные мысли и его оценку как политического деятеля.

— Тебе хорошо известно мое мнение на этот счет.

— Это не мнение, а глупое упрямство. И не смот-

ри так, ты злишься на меня, потому что я сказал правду. Ты сделала красивый жест, ушла, хлопнув дверью...

— Я...

— Выслушай, — отмахнулся он, а мне так стало даже забавно. Имея определенные интересы и желая помочь своим московским друзьям, Дед однажды зашел так далеко, что в результате погибли люди. Народу у нас как грязи, но я сочла, что это слишком, и, как он выразился, хлопнула дверью. Кто его знает, может, он всерьез считал, что это красивый жест: мол, я не желаю иметь с этим ничего общего и умываю руки. Наверное, так и думал. А что, имеет право. На самом деле я ушла, потому что меня переполняли злость и отчаяние. Я не люблю проигрывать, а в тот раз я проиграла с разгромным счетом. Теперь ни злости, ни отчаяния у меня не было, лишь воспоминания, которые иногда являлись ночами и которые я безуспешно гнала прочь. Отчего бы в самом деле не вернуться? Не валяться на диване, разглядывая потолок, а заняться делом... Ну, если не делом... В общем, просто чем-то заняться. — То, что ты называешь принципами, на самом деле нежелание признать, что мир далеко не так прост, как нам того бы хотелось. Я думал, ты достаточно взрослая, чтобы понять это. — Дед продолжил, все более увлекаясь. Иногда он отработывает на мне свои агитационные речи, вот как сейчас, к примеру. Поговорить он мастер, при этом весьма убедителен. Гуру, да и только. Правда, на меня все это давно не действует. С постным видом я терпеливо ждала, когда ему надоест ораторствовать.

— Ты зачем мне денег дал? — спросила я, когда он наконец заткнулся.

— Что значит «зачем»? — хмуро переспросил он.